

О'Рой

СОРАТНИКИ

ПОКА НЕ ПОГАСНЕТ
ВЕЩАЯ ЗВЕЗДА

N SUGAR
BOOKS

Благодарю за помощь в работе
над фэнтези-сагой
редакторскую группу:
Ладу Фомину, Марину Егорову,
Сергея Подосинникова, Анну Уханову,
Владимира Волкова, Ирину Шакуруину,
Алину Чинючину и художника Кира Руднева.

Пролог

Люди двадцать первого века считают себя могущественными и почти всемогущими. Они покоряют космос и достигают самых дальних глубин океана, создают искусственный интеллект и клонируют живых существ. Они считают, что почти всё знают о прошлом, и не сомневаются, что сами создают своё будущее. Люди третьего тысячелетия не верят в высший разум, судьбу и сверхъестественное, их божества — наука и технический прогресс. Они убеждены: то, что пока ещё не открыто, не создано и не исследовано, рано или поздно обязательно будет изобретено и изучено, это всего лишь вопрос времени. По их мнению, пройдет не так уж много лет, максимум, несколько веков, — и человек окончательно возьмёт под контроль природу и научится использовать законы физики, био-

логии и истории исключительно в своих интересах. Жители двадцать первого столетия считают, что могут объяснить с помощью науки всё, что происходит в мире, и всё, что когда-либо происходило или будет происходить. Во всяком случае, именно так было до тех пор, пока однажды...

Всё началось поздним вечером, в один из первых сентябрьских дней, незадолго до полуночи.

Ещё каких-нибудь полвека назад слова «тёплый сентябрьский вечер» означали тёмно-синее бархатное небо, лёгкое колыхание занавесок, приятную свежесть, которой тянуло от распахнутых окон, шорох ещё не пожелтевшей листвы, голоса ночных птиц и запах осенних цветов. Теперь же всё, абсолютно всё стало иначе. Евгений Михайлович Ворона уже и не помнил, когда последний раз нюхал цветы или слышал птиц,неважно, дневных или ночных. Вечернюю прохладу в его квартире на двадцать первом этаже уже который год обеспечивал кондиционер с автоматической функцией «Комфортный сон». Даже тройные стеклопакеты не полностью защищали от шума проходившей рядом с домом оживлённой автострады, гул которой не смолкал ни днём, ни ночью. Что же касается ночного неба над Москвой, то вот уже много лет оно не ви-

делось ни бархатным, ни даже тёмным. Из манящей сокровищницы космических тайн и загадок оно словно превратилось в зеркало, которое вынужденно и, как казалось Евгению Михайловичу, крайне неохотно отражало миллионы огней — окон, фонарей, витрин, автомобильных фар и подсветки зданий. Конечно, ярко освещённый город это хорошо... для всех, кроме астронома. Особенно астронома, переведённого в прошлом году на символическую должность консультанта — то есть, называя вещи своими именами, отправленного на пенсию. В честь этого невесёлого для Евгения Михайловича события его дети — взрослые, давно живущие отдельно и воспитывающие собственных детей, — подарили новоиспечённому пенсионеру мощный телескоп, чтобы отец и дедушка и сидя дома не чувствовал себя оторванным от любимого дела. Евгений Михайлович был тронут. Даже несмотря на то, что после пяти десятков лет работы в самых известных обсерваториях страны этот телескоп казался немногим лучше игрушечного, Евгений Михайлович почти каждый ясный вечер с нетерпением дожидался захода солнца, как бывало когда-то в детстве. Мальчишкой он мог часами глядеть в звёздное небо, разговаривал с ночными светилами и мысленно играл с ними,

как порой дети играют и фантазируют, глядя на красивую картинку. Так же фантазировал и маленький Женя, сочинял сам для себя сказочные истории о ночном небе и воображал себя «Звёздным принцем». Звёзды тогда были для него живыми существами, обладающими не только даром речи, но и своим характером, своей историей, своей особенной судьбой... У звёзд были секреты, у каждой свой, маленький, и один на всех большой, общий — то, что они живые. Только один из людей был посвящён в эти секреты, — и этим человеком был он, мальчик Женя с непривычной фамилией Ворона, из-за которой ему вечно так доставалось от язвительных сверстников.

И теперь, в старости, как ни странно это звучит, те детские грёзы вернулись. Не игры и не ребяческие фантазии, конечно. Но именно то самое чувство романтической тайны и необъяснимого единения с миром космоса, когда вдруг, пусть ненадолго, на одно краткое мгновение, но очень остро и как-то всеобъемлюще ощущаешь, что манящая бездна окутывает тебя, поглощает целиком, и во всём мире существуешь только ты и вселенная — и больше ничего на свете... Впрочем, Евгений Михайлович никому об этом не рассказывал, даже сыну и дочке. Была бы жива Наташа, жена, —

тогда другое дело. Она бы поняла. А дети... Глядишь, ещё подумают, что отец начал выживать из ума, забеспокоятся. Тревожить детей Евгений Михайлович не хотел. Пусть уж лучше его секрет останется с ним.

В тот вечер небо было ясным, без единого облачка. Темнело ещё поздно, и Евгению Михайловичу долго пришлось дожидаться того, что он в шутку называл про себя «моё рандеву со звёздами». Время уже близилось к полуночи, когда Евгений Михайлович наконец-то отложил электронную книгу, погасил торшер, подошёл к окну, привычным, хотя пока ещё невооружённым взглядом посмотрел вверх... И замер.

«Стоп! — сказал он сам себе. — А это ещё что такое?»

Прямо напротив окна сияла звезда. Крупная и необычайно яркая, такая, каких обычно не бывает в небе над засвеченной Москвой. И эта звезда была ему незнакома. Разумеется, Евгений Михайлович, хоть даже разбуженный среди ночи, мог бы без запинки перечислить все крупные звёзды, видимые в небе над столицей в разное время года и в разное время суток, но та, на которую он сейчас смотрел, не была ни одной из них. В этом Евгений Михайлович мог поклясться, чем угодно.

Но что же тогда такое сияет напротив окна?

— Слишком велика даже для сверхновой, слишком велика... — растерянно бормотал Евгений Михайлович, прикивая к окуляру.

Может быть, обман зрения, какая-то иллюзия? Или он что-то напутал? Принял за звезду огни самолёта, спутник или ещё что-то в этом духе? Торопливо проверяя настройки телескопа, Евгений Михайлович судорожно пытался найти хоть какое-то убедительное объяснение. Однако даже самые тщательные проверки ничего не дали. Звезда, светившая в наконец-то потемневшем (хотя всё равно не слишком тёмном) небе, была именно звездой, а не чем-то ещё. И Евгений Михайлович, астроном с мировым именем и огромнейшим опытом работы, помнящий наизусть названия и координаты нескольких тысяч небесных тел, не мог её опознать. А это могло означать только одно.

В безмолвной пустоте возник новый сгусток светящейся материи. Он появился из ниоткуда и разгорался ярче и ярче, будто черпая силу из какого-то загадочного источника и дерзко нарушая все законы природы. Свет новорожденной незнакомки, ровный и сильный, разгонял тьму, заставляя стыдливо блекнуть многие миллиарды её известных человечеству сестёр, сияющих на небосклоне вот уже бессчётное число лет.

«Так, так, так... — бормотал Евгений Михайлович, с удивительной для его возраста скоростью перебегая от окна к столику, где стоял городской телефон, которым он по старинке всё ещё предпочитал пользоваться. — Первым делом позвонить Лёне... И сразу на работу. Пропуск только не забыть...»

Всего за несколько минут он успел выдернуть из дома своего любимого ученика, с недавних пор занимавшего должность заместителя директора по науке, вызвать такси, переодеться из уютной клетчатой пижамы в брюки и свитер, обуться и пулей вылететь за дверь, забыв погасить свет.

Некоторое время после его поспешного ухода в квартире царила полная тишина. Только тикали в гостиной старинные, ещё принадлежавшие родителям Евгения Михайловича, большие настенные часы с маятником.

А потом вдруг послышался электронный сигнал «пинь-пинь-пиньк...»

Экран забытого на письменном столе смартфона ожил и засветился.

Пинь-пинь-пинь-пиннннк...

С появившегося на экране аватара улыбался седовласый мужчина в обнимку с кенгуру. Друзья Евгения Михайловича знали, что тот ложится

поздно, и не стеснялись звонить в ночное время. Но сегодня сигнал пиликал напрасно — ответить было некому.

Пинь-пинь-пинь-пиннньк...

В углу кухни что-то тихонько и протяжно вздохнуло, бухнуло, покатилося, и из-под стола выбежало семенящими шажками нечто мелкое, тёмное и лохматое, как меховой шарик. Окажись Евгений Михайлович дома, он, возможно, сослепу принял бы это нечто за кошку, — вот только кошек, да ещё ходящих на двух ногах, в его квартире отродясь не водилось. Ему, занятому наукой, всегда было не до питомцев, а покойная Наташа хоть и любила животных, но страдала аллергией на их шерсть.

Докатившись до письменного стола и проворно забравшись на него, нечто сердито нажало кнопку отбоя и прервало вызов.

— И звонять, и звонять! И трезвонють, и трезвонють! Непонятно, что ли, — раз ответу нету, то и названивать нечего! — сердито пробурчало существо.

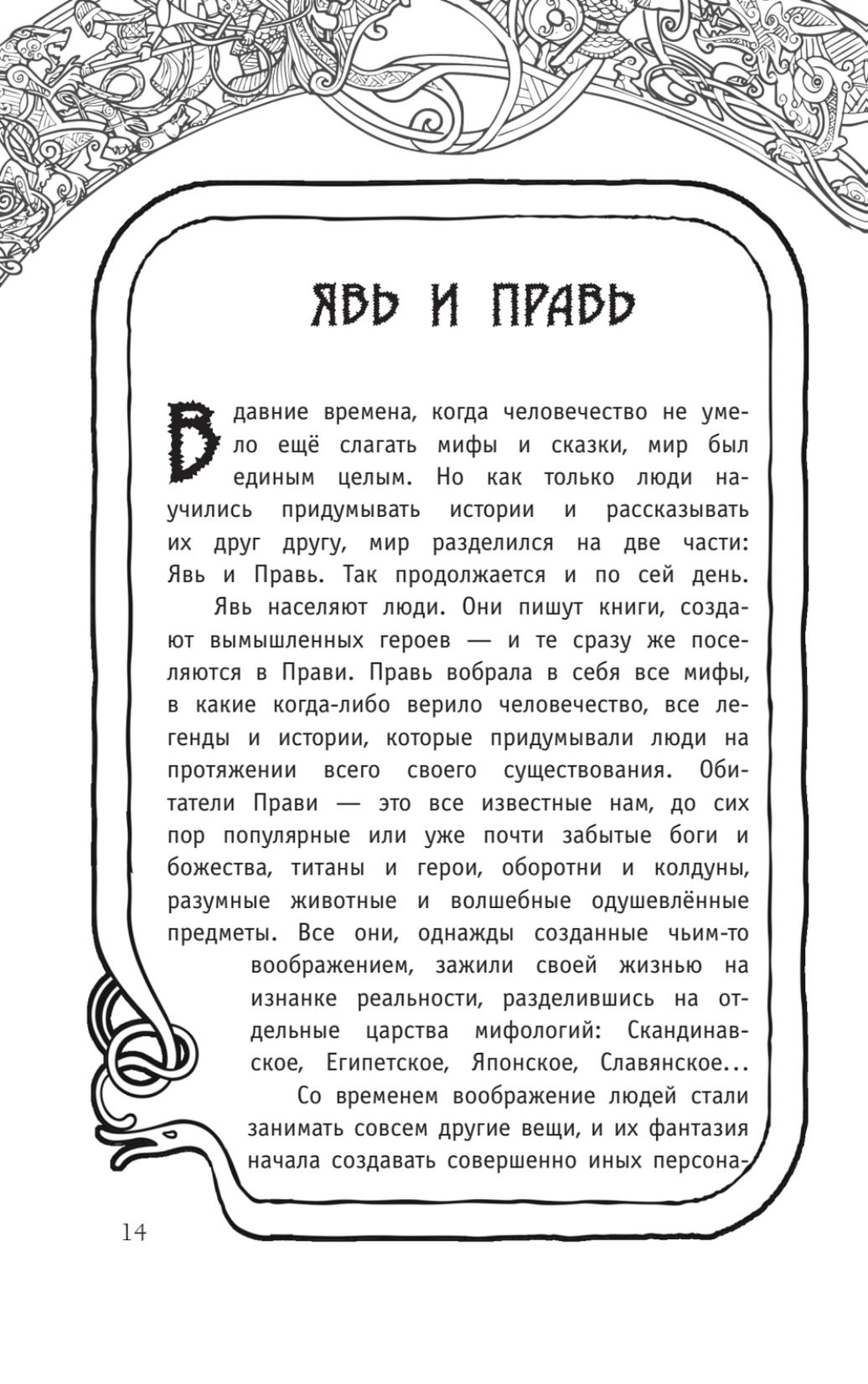
Оно ловко спрыгнуло со стола, прокатилось по комнатам, и мгновением позже в гостиной и прихожей щёлкнули выключатели. Свет, который забыл выключить, убегая в спешке, Евгений Михайлович, погас.

— Лектричество экономить надо! — авторитетно заявило мохнатое существо и добавило со вздохом:

— Старееет хозяин. Сдаёт... Уж скока раз так: уйдёт, забудет выключить, а опосля, как бумажку пришлють, дивится: «И чего это так много нагорело?..»

Теперь в квартире воцарился полумрак, который рассеивался только светом ночного города, проникающим сквозь незашторенные окна.

— Ох-хо-хонюшки... — снова вздохнуло мохнатое существо. Ещё раз прокатилось по комнатам, точно проверяя, всё ли в порядке, и исчезло в кухне, в тени холодильника. В квартире Евгения Михайловича вновь всё затихло, засыпая до первых лучей солнца.

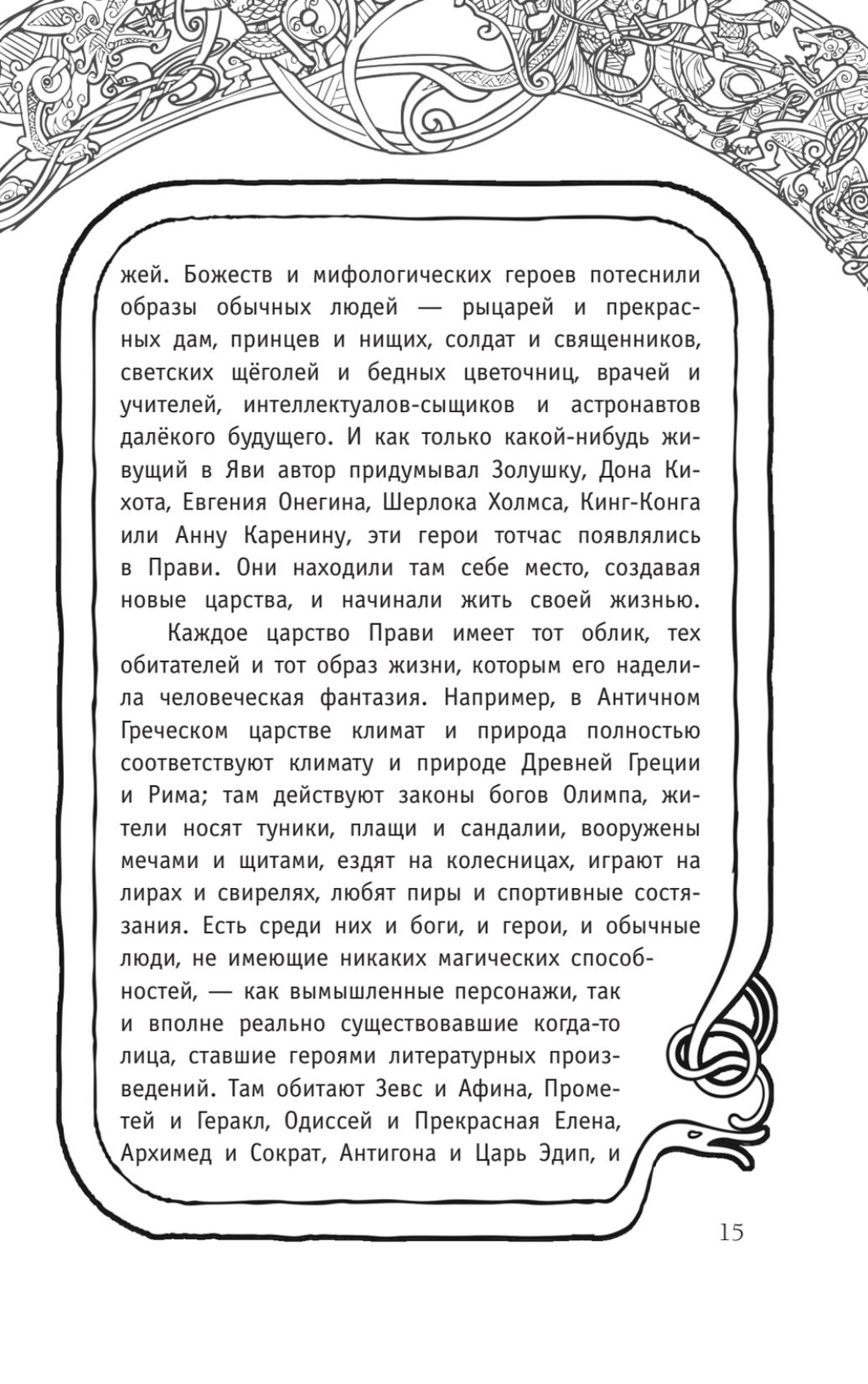
ЯВЬ И ПРАВЬ

Давние времена, когда человечество не умело ещё слагать мифы и сказки, мир был единым целым. Но как только люди научились придумывать истории и рассказывать их друг другу, мир разделился на две части: Явь и Правь. Так продолжается и по сей день.

Явь населяют люди. Они пишут книги, создают вымышленных героев — и те сразу же поселяются в Правь. Правь вобрала в себя все мифы, в какие когда-либо верило человечество, все легенды и истории, которые придумывали люди на протяжении всего своего существования. Обитатели Правь — это все известные нам, до сих пор популярные или уже почти забытые боги и божества, титаны и герои, оборотни и колдуны, разумные животные и волшебные одушевлённые предметы. Все они, однажды созданные чьим-то

воображением, зажили своей жизнью на изнанке реальности, разделившись на отдельные царства мифологий: Скандинавское, Египетское, Японское, Славянское...

Со временем воображение людей стали занимать совсем другие вещи, и их фантазия начала создавать совершенно иных персона-

жей. Божеств и мифологических героев потеснили образы обычных людей — рыцарей и прекрасных дам, принцев и нищих, солдат и священников, светских щёголей и бедных цветочниц, врачей и учителей, интеллектуалов-сыщиков и астронавтов далёкого будущего. И как только какой-нибудь живущий в Яви автор придумывал Золушку, Дона Кихота, Евгения Онегина, Шерлока Холмса, Кинг-Конга или Анну Каренину, эти герои тотчас появлялись в Прави. Они находили там себе место, создавая новые царства, и начинали жить своей жизнью.

Каждое царство Прави имеет тот облик, тех обитателей и тот образ жизни, которым его наделила человеческая фантазия. Например, в Античном Греческом царстве климат и природа полностью соответствуют климату и природе Древней Греции и Рима; там действуют законы богов Олимпа, жители носят туники, плащи и сандалии, вооружены мечами и щитами, ездят на колесницах, играют на лирах и свирелях, любят пиры и спортивные состязания. Есть среди них и боги, и герои, и обычные люди, не имеющие никаких магических способностей, — как вымышленные персонажи, так и вполне реально существовавшие когда-то лица, ставшие героями литературных произведений. Там обитают Зевс и Афина, Прометей и Геракл, Одиссей и Прекрасная Елена, Архимед и Сократ, Антигона и Царь Эдип, и